

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-19-28

**Образ восприятия японцев и Японии в дореволюционном
опыте художественной рефлексии:
жанрологический аспект**

Анна Анатольевна Забияко¹, Ван Юйци²

^{1,2}Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия

¹sciencia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²ivan_yuytsi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7891-115X>

Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к имагологическим аспектам исследования художественного текста. Новизна определяется жанрологическим подходом к изучению образа восприятия Японии и японцев в русской дореволюционной литературе, введением в научный оборот неизвестных ранее текстов, сравнительным анализом повествовательных стратегий, определяющих жанровую специфику каждого текста. Цель – экспликация жанрового своеобразия произведений о Русско-японской войне, определяющего ракурс дореволюционной художественной рецепции образа восприятия Японии и японцев в России. В основе методологии – междисциплинарный подход. Авторы опираются на российские и китайские труды по истории российско-японских отношений, этнографии Японии, этнопсихологии, религиоведению, на широкий контекст имагологических исследований; применяют такие методы, как: историко-литературный, сравнительно-исторический, имманентного анализа. В основе анализа текстов – современные работы, касающиеся проблем жанрологии. В статье прослеживается путь трансформации образов восприятия Японии и японцев в русской литературе с середины XIX в. до 10-х гг. XX в.: от первых травелогов к ура-патриотическим заметкам в периодических изданиях и далее к «пацифистской» беллетристике и поствоенным художественным опытам – шпионскому детективу А. И. Куприна, военным дневникам В. В. Вересаева, детской этнографической повести И. И. Митропольского и т. д. Делается вывод о том, что трагический и бесславный опыт Русско-японской войны не только расширил горизонты научного постижения Японии и японцев российскими учёными, но и открыл художественные возможности новых жанрологических форм этнокультурного и этнопсихологического опыта самопознания русскости и русских.

Ключевые слова: художественный образ восприятия, японцы, Русско-японская война, жанрология, этничность, стереотипизация

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

Original article

**The Image of the Perception of the Japanese and Japan
in the Pre-Revolutionary Experience of Artistic Reflection:
The Genre Aspect**

Anna A. Zabiyako¹, Wang Yuqi²

^{1,2}Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

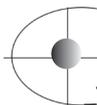
¹sciencia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²ivan_yuytsi@mail.ru, <https://orcid.org/0002-7891-115X>

The relevance of the research is determined by the interest of modern literary criticism in the imagological aspects and the problem of developing a research strategy in relation to this kind of texts. The novelty of the work is defined by the genre approach to the study of the image of perception of Japan and the Japanese in Russian pre-revolutionary literature dedicated to the events of the Russian-Japanese war, the introduction of previously unknown texts into scientific circulation, a comparative analysis of narrative strategies that determine the genre specificity of each text. The purpose of the work is to explicate the genre originality of works on the Russian-Japanese war, which determines the perspective of the pre-revolutionary artistic reception of the image of perception of Japan and the Japanese in Russia. The methodology is based on an interdisciplinary approach that underpins the imagological paradigm of research. The authors rely on Russian and Chinese works on the history

© Забияко А. А., Ван Юйци, 2022

of Japan, Russian-Japanese relations, ethnography of Japan, ethnopshychology, religious studies, on the broad context of imagological research; apply historical-literary, comparative-historical, immanent analysis methods. The complex research is based on modern works concerning the problems of genre studies. The article traces the path of transformation of perceptions of Japan and the Japanese in Russian literature since the middle of the 19th century to the beginning of 20th century which is determined by the genre task of the works: from the first travelogues to the jingoistic notes in periodicals and further to "pacifist" fiction and post-war artistic experiences – the spy and detective text by A. I. Kuprin, the military diaries by V. V. Veresaev, a children's ethnographic story by I. I. Mitropolsky. We conclude that the tragic and inglorious experience of the Russian-Japanese war pushed the horizons of not only the scientific comprehension of Japan and the Japanese by Russian scientists but also giving development to various genres of Russian literature opened the artistic possibilities of new ethnocultural and ethnopshychological experiences of self-knowledge of Russianness and Russians.

Keywords: artistic image of perception, Japanese, Russian-Japanese war, genre studies, ethnicity, stereotype

Acknowledgments: The study is supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-012-00318. The theme of the project is "Images of Russia and China in artistic ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria of the 1920s – 1940s)".

Введение. Начало этнографического и одновременно художественного постижения Японии русским культурным сознанием было положено в середине XIX в. траделогоми писателей-путешественников – И. А. Гончарова (1858), С. В. Максимова (1864), В. Крестовского (1887), А. В. Елисеева (1893–1898) и др. [1–4]. Художественное задание «путевых заметок» предполагало заинтересованность в познании чужого народа – его обычаев, бытовых привычек, языка, религии. На протяжении периода бурных реформ в последующее столетие Япония и японцы стремительно менялись, на глазах вбирая и усваивая на свой манер достижения европейской цивилизации и культуры. Русские исследователи второй половины XIX в. пытались всесторонне постичь сущность происходивших в Японии социально-политических, этнорелигиозных, этнокультурных процессов¹ [5]. Хотя оценки японцев, даваемые русскими ориенталистами, были далеко не полны и теоретически недостаточно фундированы, они заслуживают внимания как серьезная предпосылка к формированию проблемного пространства исследования японского национального характера, расширенного русскими ориенталистами на рубеже веков [Там же].

¹ Венюков М. И. Обзорение японского архипелага в современном его состоянии: в 2 ч. – СПб.: Скоропечатня Ю. О. Шрейера, 1871; Воейков А. Очерки из путешествия по Индии и Японии. – СПб.: Императорский Рус. геогр. о-во, 1878. – 95 с.; Краснов А. Н. Чайные округа субтропических областей Азии. Культурно-географические очерки Дальнего Востока: в 2 ч. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1897–1898; Воллан Г. де. В стране восходящего солнца. Очерки и заметки о Японии. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. – 504 с.; Япония и её обитатели. – СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1904. – 362 с.; Анучин Д. Н. Япония и японцы. Географический, антропологический и этнографический очерк. – М., 1907.

События Русско-японской войны обнажили не столько проблемы научного японоведения, сколько – внутреннюю социально-политическую слабость России: ущербность государственного аппарата и идеологические просчёты (предубеждение царского правительства против японцев, слабость военного руководства, отсутствие патриотической идеи, шовинистические настроения начала века, определившие полное непонимание российским общественным сознанием всей мощи противника, незнание его национального характера и неуважение к японцам) [6].

В. Вересаев, очевидец и участник военных событий, напишет о формировании образа врага официальной властью в первые месяцы войны, весьма красочно передавая шапкозакладательские и шовинистические настроения, льющиеся со страниц предвоенной и первых дней войны публицистики – «испуганные макаки» с разбитыми носами, устрашающие образы России и русских². Лишь после поражения русских кораблей у Чемульпо в роскошно иллюстрированном еженедельнике «Летописи войны с Японией» будет размещена заметка, посвящённая непосредственно этническому характеру японцев³. Однако и в ней, в первую очередь, актуализировался характерный для траделогов и карикатурных заметок концепт «отсталости» «нецивилизованных» японцев от европейского мира, их «подражательности», «безынициативности». Автор заметки констатировал: «Теперьшний наш враг, японец, представляет собой величину неопределён-

² Вересаев В. На японской войне. Живая жизнь. – Минск: Народная асвета, 1988. – С. 149, 153.

³ Моральный элемент в борьбе с азиатом // Летопись войны с Японией. – 1904. – № 4. – С. 67–69.

ную, почти неизвестную, знакомую нам понаслышке»¹.

Безусловно, череда последующих военных поражений русской армии 1904 г. даёт мощный импульс отечественному японоведению [7]. Ужас и недоумение от первых сокрушительных поражений русской армии и флота поначалу повлечёт пацифистские, проникнутые православным смирением писательские настроения [8]².

Однако весьма скоро российское культурное и общественное сознание учтёт негативный опыт тех событий. По горячим следам батальных фрустраций из печати практически одновременно выйдут документальные материалы генерала А. Н. Куропаткина³, воспоминания Е. И. Мартынова⁴. И, фактически опережая военную аналитику, в январском номере «Мира Божьего» в 1906 г. будет опубликован рассказ А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников»⁵, положивший начало самым разным жанровым стратегиям в художественной рецепции не только образа японца-противника, но и особенностей восприятия японцев разными слоями российского общества, самовосприятия русскости.

Методология и методы исследования. В основе исследования – междисциплинарный подход, предполагающий опору на материалы по этнографии, этнопсихологии, истории, историографии, поэтике. Авторы применяют историко-генетический метод в историографической и источниковедческой части исследования [4; 7; 9] русско-японских, китайско-японских, китайско-русских отношений второй половины XIX – начала XX в. [10–14], истории Русско-японской войны [15–21]; используют источниковедческую практику изучения архивных текстов; применяют историко-литературную, сравнительно-литературную па-

радигму [22–25] и метод имманентного анализа произведений А. И. Куприна, И. И. Митропольского и др.; учитывают современные подходы к проблемам жанра [26]. В процессе исследования уточняются уже апробированные имагологические подходы к образу японцев [8; 27]. Авторы опираются на трактовку категорий «художественный образ восприятия» [28] и «культурный образ» Д.-А. Пажо [29].

Результаты исследования и их об- суждение. Сюжет рассказа А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» основан на одном из реальных фактов процветающего в годы войны японского шпионажа [16, с. 20–23]. События начинаются в день, когда «ужасный разгром русского флота у острова Цусима приближался к концу и когда об этом кровавом торжестве японцев пронесли по Европе лишь первые, тревожные, глухие вести»⁶, а заканчиваются на следующий, то есть приблизительно 27–28 мая 1905 г.

Писатель выступает практически как военный следователь и одновременно уголовный хроникёр, используя при этом разнообразные приёмы создания образа японского шпиона и закручивая интригу, связанную с его раскрытием. В первую очередь, «свидетельские показания» квартирной хозяйки, санитаров, врачей, штабных офицеров (в форме несобственно-прямой речи), в которых мнимый Рыбников представлен под личиной провинциального вояки⁷ и т. д.

Автор филигранно запечатлевает механизм проникновения японского разведчика в основы этнокультурной стереотипизации. Рыбников непримечателен, в его внешнем облике можно предположить наличие азиатских кровей, что типично для русских служаков средней руки, приезжающих с Дальнего Востока: «Сбоку это было обыкновенное русское, чуть-чуть калмыковатое лицо»⁸; «Ведь на Урале и среди оренбургского казачества много именно таких монгольских шафранных лиц»⁹.

Образ штабс-капитана, должного казаться «суетливым, смешным и несуразным человеком», «хамом», выстроен с учётом всех признаков «русскости»: это портретные характеристики, «вещный мир» («портплед

¹ Моральный элемент в борьбе с азиатом // Летопись войны с Японией. – 1904. – № 4. – С. 67–69.

² Белорецкий Г. На войне // Русское богатство. – 1905. – № 2. – С. 20–214; № 3. – С. 5–6; Белорецкий Г. В чужом пиру // Русское богатство. – 1905. – № 10. – С. 97–100; Дерман А. Вернулся // Мир Божий. – 1905. – № 10. – С. 91–105; Ковальский К. А. Из жизни рядового Семёна Незабудкина // Русское богатство. – 1905. – № 11–12. – С. 257–284.

³ Куропаткин А. Н. Отчёт генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией: в 4 т. – Варшава: Тип. Окружного штаба, 1906–1907.

⁴ Мартынов Е. И. Из печального опыта Русско-японской войны. – СПб.: Военная типография, 1906. – 176 с.

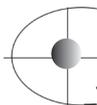
⁵ Куприн А. И. Штабс-капитан Рыбников // Мир Божий. – 1906. – № 1.

⁶ Куприн А. И. Штабс-капитан Рыбников // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Произведения 1905–1914 гг. / А. И. Куприн. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – С. 5.

⁷ Там же. – С. 6.

⁸ Там же. – С. 12.

⁹ Там же.

с одеялом и подушкой, дорожный несессер и дешёвый новенький чемодан, в котором было бельё и полный комплект штатского платья»¹), жестовые самохарактеристики («офицер прокашлялся, сплюнул вбок на пол»²), поведенческие клише. Рыбников неприятен – всех раздражает его «суетливая и нервная развязность, его запуганность, странно граничившая с наглостью, его глупость и привязчивое праздное любопытство выводили из себя людей, занятых важной и страшно ответственной бумажной работой»³, его хотят скорее забыть.

«Обычность» русского офицера среднего чина закрепляется формами квази-косвенной речи: «Все уже знали наизусть, что он служил в корпусном обозе, под Ляояном контужен в голову, а при Мукденском отступлении ранен в ногу. Почему он, чёрт меня возьми, до сих пор не получает пособия?! Отчего ему не выдают до сих пор суточных и прогонных? А жалованье за два прошлых месяца? Абсолютно он готов пролить последнюю, чёрт её побери, каплю крови за царя, престол и отечество, и он сейчас же вернётся на Дальний Восток, как только заживёт его раненая нога. Но – сто чертей! – проклятая нога не хочет заживать... Вообразите себе – нагноение! Да вот, посмотрите сами»⁴. Рыбников сыплет поговорками, анекдотами, вульгаризмами, просторечиями: «Дер-р-балызнул я сегодня», «Ага» и т. д.⁵ Нагромождение междометий-паразитов, риторических восклицаний («Хемм!..», «Ага», «Что? Неправда?» и т. д.) должно продемонстрировать путаность мысли малообразованного, фамильярного и кичливого офицеришки. Этот штабс-капитан «приехал» с полей сражений, в его фразах мелькают знаковые маньчжурские топонимы (Харбин, Мукден, Ляонин). Потому он имеет право на критические реплики в адрес военного руководства кампанией⁶.

Только находящийся внутри культуры, то есть «типичный представитель этнокультуры», владеет её анекдотическим потенциалом [30]. Рыбников постоянно сыплет «русскими» анекдотами на тему войны. Ре-

чевая стратегия штабс-капитана провоцирует окружающих, заставляя изживать в общении с ним чувство вины перед воевавшими: «Просто-напросто, по-человечески, хотелось его успокоить, осведомить и ободрить, и оттого с ним говорили откровеннее, чем с другими»⁷.

Казалось бы, процесс стереотипизации, аккумулирующий все признаки «русскости», в образе Рыбникова успешно осуществлён. Однако это именно образ восприятия русского, учитывающий, в первую очередь, этнокультурные клише и негативные стереотипные характеристики, «злая и верная карикатура на русского забубённого армейца»⁸. Парадоксально, но именно такой аспект присущ критическому модусу самовосприятия русских, их стремлению к самозамалению – потому «чистенькие, выхолненные штабные офицеры» говорили о Рыбникове «с благородной горечью:

– И это русские офицеры! *Посмотрите на этот тип.* Ну, разве не ясно, почему мы проигрываем сражение за сражением? *Тупость, бестолковость, полное отсутствие чувства собственного достоинства...* Бедная Россия!...» (курсив наш – авт.)⁹.

Куприн не останавливается на этапе «клиширования» русскости. Писатель создаёт стереоскопический образ восприятия Рыбникова, пропуская его не только сквозь призму обывательской рецепции, но и через восприятие изощёренного «собирателя человеческих документов, коллекционера редких и странных проявлений человеческого духа» Щавинского.

Сама методика Щавинского-бытописателя соответствует требованиям, предъявляемым этнографам и антропологам при сборе полевого материала с реципиентами – способности встать на точку зрения «другого»¹⁰. Именно Щавинский улавливает, что «русскость» в штабс-капитане с её «унизительным попрошайничеством, армейской грубостью и крикливым патриотизмом», с избыточным гоголевским самоназванием, «пословичным безумием», истовостью в вере – гипертрофирована, чрезмерна¹¹. Он интуитивно чувствует в Рыбникове «чужого». В сознании журналиста (приёмом

¹ Куприн А. И. Штабс-капитан Рыбников // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Произведения 1905–1914 гг. / А. И. Куприн. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – С. 5.

² Там же. – С. 10.

³ Там же. – С. 12.

⁴ Там же. – С. 6.

⁵ Там же. – С. 11.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 6.

⁸ Там же. – С. 19.

⁹ Там же. – С. 7.

¹⁰ Там же. – С. 11.

¹¹ Там же. – С. 13.

повтора) актуализируются пугающие зооморфные, тероморфные и даже иночеловеческие (дьявольские) признаки «Рыбникова» – «злобного, насмешливого, умного, даже высокомерного, но не человеческого, а скорее звериного, а ещё вернее – лица, принадлежащего существу с другой планеты»¹.

Сюжетная линия несостоявшегося разоблачения Рыбникова строится на поединке признаков «русскости» и «японскости»². Но проблема в том, что в сознании «страстного охотника и добровольного сыщика» Щавинского противостоят этнокультурные клише о японцах и русских, а не объективные представления – с присущей русской либеральной интеллигенции установкой негативно воспринимать «своё» и идеализировать «чужое». Журналист проигрывает потому, что видит перед собой не просто равного, но превосходящего его представителя инокультуры, пусть даже – со «звериной», «инопланетной» природой.

Щавинский досадует на назойливую «русскость» Рыбникова, но внутренне именно так эту «русскость» он воспринимает и сам. Зато «японскость» остаётся для Щавинского и читателей terra incognita, но со знаком плюс: «я преклоняюсь пред вашей отвагой, то есть, я хочу сказать, перед безграничным мужеством японского народа. Иногда, когда я читаю или думаю об единичных случаях вашей чертовской храбрости и презрения к смерти, я испытываю дрожь восторга. Какая, например, бессмертная красота и божественная дерзость в поступке этого командира расстрелянного судна, который на предложение сдать молча закурил папироску и с папироской в зубах пошёл ко дну. Какая необъятная сила и какое восхитительное презрение к врагам. <...> Ах, чёрт, красиво!»³.

Психологически закономерно, что «экспертами» в разоблачении Рыбникова становятся забулдыга-репортёр Пеструхин и проститутка Клотильда. Первый – потому, что, будучи постоянно пьян, не имеет возможности ощутить тонкости шпионской игры и, очнувшись ненадолго, непосредственно реагирует на того, кого видит перед собой: «А, японская морда, ты ещё здесь? – сказал он пьяным голосом, едва шевеля ртом. – Пого-

вори у меня еще!»⁴. Аналогичный механизм восприятия действует в сознании необременённой «литературностью», «культурными стереотипами» и военной прояпонской мифологией простой русской женщины, не лишённой профессиональной наблюдательности: «А знаешь, ей-богу, ты похож на япончика. И знаешь на кого? На микаду. У нас есть портрет. Жаль, теперь поздно, а то бы я тебе показала. Ну, вот прямо как две капли воды»⁵.

Клотильда оперирует весьма важным интегратором этничности – сексуальной культурой. «Её бедный маленький ум» не может уловить причины инаковости умений и темперамента её клиента. Однако она чётко осознала в нём сильного, привлекательного, но «чужого самца»⁶.

Несмотря на «шпионство», а значит, заведомую враждебность по отношению к русским и вполне заслуживаемое негативное восприятие, Рыбников не отрицательный персонаж не только в сознании Щавинского, но и самого автора, если не брать в расчёт его иронию по отношению к романтической экзальтации репортёра. Омори Масako считает, что «Куприн написал этот рассказ после войны, т. е. ретроспективно. Поэтому думается, что в Рыбникове совмещены звериный, нечеловеческий образ врага, сформировавшийся в массовом сознании и отражающийся в карикатуре военного периода, и “новый привлекательный” образ, черты которого стали проявляться в связи с комплексом неполноценности русских после поражения в войне» [31, с. 210]. Но А. И. Куприн много глубже. Детективная форма помогает писателю «исследовать» не столько образ японца (он остаётся в ореоле мифологических этнокультурных «самурайских» клише), сколько образ самовосприятия русскости – столь неприятной либеральной интеллигенции «русопятисти», вкуче со столь присущим русским преклонение перед чужой культурой.

В целом перед нами, безусловно, жанровая мимикрия, предлагаемая автором в качестве художественного приёма. Заявленный как шпионский рассказ, «Штабс-капитан Рыбников» таковым не является – это игра в детектив на фоне мощного этнопсихологического анализа образа «чужого», а именно – японца с точки зрения самых разных слоёв русского общественного сознания и образа

¹ Куприн А. И. Штабс-капитан Рыбников // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Произведения 1905–1914 гг. / А. И. Куприн. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – С. 11, 12.

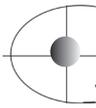
² Там же. – С. 12.

³ Там же. – С. 23.

⁴ Там же. – С. 16.

⁵ Там же. – С. 35.

⁶ Там же. – С. 37.

«своего», русского, основанного на автостереотипах и установках самовосприятия.

Тема рефлексии событий войны сквозь призму оппозиции «официальный/реальный образ японца» будет продолжена в жанре военных записок В. Вересаева (1906)¹ и Н. Г. Гарина-Михайловского (1916)², которые во многом были нацелены на развенчание пропагандистской военной риторики проправительственной прессы, низводящей образ японцев до «диких макаков».

В 1913 г. в Москве публикуется «повесть из манджурской жизни (из эпохи Русско-японской войны)» «Маленький манза»³. Её автор, Иван Иванович Митропольский (1872 – после 1917 г.), к этому времени уже известный журналист [32]. В период Русско-японской войны под его редакцией выходил журнал «Война с Японией» (1904).

С 1904 по 1905 г., находясь на службе в Маньчжурской армии, И. И. Митропольский прошёл военными дорогами Северную и Южную Маньчжурию и знал, кто такие манзы, кто – японцы, не понаслышке [32]. Китай в эти годы переживает революционные потрясения (1911–1913), а Япония и Россия для укрепления Соглашения 4 июля 1910 г. заключают Секретную русско-японскую конвенцию 25 июня 1912 г. [10; 33].

Повесть И. И. Митропольского – не просто военная повесть. Это детская этнографическая повесть, аккумулирующая опыт самого писателя в его восприятии китайской и японской инкультуры. Из названия ясно, что главным объект изображения – манза, мальчик-маньчжур⁴, вместе со своей семьёй вовлечённый в военные перипетии. Ли Туймынь не просто главный герой, он повествующий субъект. Благодаря такой организации повествования читатель не только органично погружается в мир маньчжурской деревни, он смотрит на все происходящее, восприни-

мает мир и события сквозь призму сознания маленького маньчжура. Следовательно, его глазами видит и оценивает пришедших на маньчжурскую землю русских и японцев.

«Детская непосредственность» повествования от лица манзы Ли Туймыня апеллирует к искренности и непредвзятости в этнокультурном познании образа «чужого». Японцы не очень отличаются от китайцев внешне, но они полностью чужды китайцам, потому их «восприятие» маленьким маньчжуром основано на принципе остранения: «Я пробрался на улицу и увидел на ней кучку *странных* низкорослых людей, одетых в серые халаты с поднятыми собачьими воротниками. На головах у них были круглые шапки с козырьками и жёлтым околышем. Они шли с ружьями, повешенными на плечо, и заглядывали во все дворы.

– Японцы, – подумал я, *боязливо* поглядывая на них. <...>

На двор въехали два японских офицера с чёрными усами, *которые топтырились, как щётки*»⁵.

По своим антропологическим характеристикам русские в восприятии китайского населения должны выглядеть более «чужими», однако в тексте нет ни слова о внешнем восприятии русских китайцами. Их восприятие в сознании Ли Туймыня и его маленькой сестры, их друзей связаны со смехом, улыбками, угощением, желанием понять друг друга.

В отличие от русских японцы знают китайский язык: «Наконец, они подошли и к нашему двору. Я хотел было юркнуть в фанзу, но один из японцев быстро догнал меня и *больно* щёлкнул по голове.

– Когда приходят победители, от них не бегают, – сказал он мне по-китайски»⁶.

Но русский капитан и маленький манза находят общий язык посредством пиджина, выясняя главный вопрос. «Война, зачем?» – спрашивает Ли Туймынь, получая ответ: «Война... плохо...». Ли Туймынь резюмирует: «Война плохо, твоя хороша»⁷.

Маленький манза и его отец «правильно воспринимают» характер пришедших на маньчжурскую землю иноземных народов: русские несут манзам добро и «доброе бога», а японцы – «худые люди», от них

¹ Вересаев В. На японской войне. Живая жизнь. – Минск: Народная асвета, 1988. – 496 с.

² Гарин Н. Г. Дневник во время войны // Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 6 / Н. Г. Гарин. – Петроград: Изд. т-ва «А. Ф. Маркс», 1916. – 291 с.

³ Митропольский И. Маленький манза. Повесть из манджурской жизни (из эпохи русско-японской войны). – М.: Изд. книжного склада М. В. Клюкина, 1913. – 84 с.

⁴ Манза (мн. манзы, очевидно, от иероглифа маньцзу – кит. «маньчжур») – так на Дальнем Востоке называли жителей Северной Маньчжурии (китайцев, маньчжуров) [34, с. 86]. И. Митропольский пишет в комментарии: «Манза – маньчжур-крестьянин». См.: Митропольский И. Маленький манза. Повесть из манджурской жизни (из эпохи русско-японской войны). – М.: Изд. книжного склада М. В. Клюкина, 1913. – С. 3.

⁵ Митропольский И. Маленький манза. Повесть из манджурской жизни (из эпохи русско-японской войны). – М.: Изд. книжного склада М. В. Клюкина, 1913. – С. 65.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 27.

только зло и разрушение. Несмотря на то, что и русские, и японцы – чужаки в Маньчжурии, русские дают маньчжурским детям сахар и печенье, а японцы – «колотушку». Русские платят «и за фанзу, и за гаолян, и чумизу», японцы берут всё, что им нужно, а непослушных карают.

Именно такими хочет видеть японцев глазами китайцев русский писатель, бывший офицер. При этом И. И. Митропольский не пренебрегает объективными данными о том, что китайцы во время Русско-японской войны зачастую помогали японцам, выступая своеобразной «пятой колонной» [20], брат отца Лу Чжень как раз занимает враждебную позицию по отношению к русским и идёт на службу к хунхузам, которые сотрудничают с японцами и информируют о передвижении русских войск.

Модус восприятия японца в сознании маленького манзы становится эмоциональной проекцией формирования образа восприятия китайца (маньчжур) в сознании русского читателя. Присущая запискам-травелогам и основанная зачастую на внешних наблюдениях оппозиция «китаец (манза)/японец» по признакам «неразвитый/развитый», «грубый/утончённый», «некрасивый/красивый», в повести И. Митропольского об-

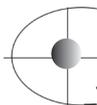
ретаает амбивалентное содержание «располагающий/странный», «симпатичный/отталкивающий», «бесхитрый (искренний)/коварный», «миролюбивый/агрессивный», «благодарный/неблагодарный».

Заключение. Художественное постижение образа Японии и японцев с середины XIX в. по первые десятилетия XX в. претерпело самые разные жанровые трансформации, обусловленные динамикой развития русско-японского культурного и социально-политического взаимодействия – от открытия Страны восходящего солнца и её жителей, зарождения научного японоведения до военных действий на территории Маньчжурии и последующей рефлексии поражения русской армии.

События Русско-японской войны положили начало развитию разнообразных жанровых стратегий в воплощении образов Японии и японцев – от рассказов в духе народно-демократической прозы к шпионскому детективу, военным дневникам, военно-этнографической повести для детей и др. Однако художественная рецепция образа японца и Японии становится, в первую очередь, мощным стимулом художественного познания русскими писателями – русскости и собственной этничности.

Список литературы

1. Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3. С. 254–259.
2. Алпатов В. М. Образ Японии в России (1850–1945). М.: Изд-во РАН, 2017. 37 с.
3. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
4. Богодерова А. А. Япония в русских травелогах рубежа XIX–XX веков // Русский травелог XVIII–XX веков: между литературой и документом. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. С. 52–77.
5. Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. Этнографические очерки. М.: Наука, 1983. 270 с.
6. Стелочкина Е. В. Эволюция образа врага в провинции во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестник Самарского государственного университета, 2008. № 1. С. 64–70.
7. Федоров М. Япония и японцы: очерк. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1905. 168 с.
8. Переславцева Р. С. Образ «другого» в произведениях о русско-японской войне 1904–1905 годов // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 94. С. 59–62.
9. Таксами Ч. М., Косарев В. Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. М.: Мысль, 1990. 318 с.
10. Кузнецов А. П. Взаимоотношения Японии с Китаем и Россией с 1894 по 1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 23.00.02. М., 2013. 325 с.
11. Пу Нин, Яо Гэнцзюнь. Сравнение стратегических решений двух сторон в русско-японской войне // Научное решение. 2007. № 7. С. 51–53. @@ 蒲宁, 姚耕俊. 日俄战争中双方战略决策比较 // 科学决策. 2007. № 7. 页. 51–53.
12. Хуан Цзунлян. Реформа России и китайско-российские, японо-российские отношения // Международные политические исследования. 1995. № 2. С. 74–82. @@ 黄宗良. 俄罗斯的改革与中俄、日俄关系 // 国际政治研究. 1995. № 2. 页. 74–82.
13. Чжао Ян. Краткое обсуждение эволюции японо-российских отношений до русско-японской войны // Сибирские исследования. 2008. № 3. С. 91–94. @@ 赵阳. 简论日俄战争前日俄关系的演变 // 西伯利亚研究. 2008. № 3. 页. 91–94.
14. Юэ Вэй. Суждение об особенностях китайско-российских отношений с 1900 по 1924 год: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Пекин, 2007. 327 с. @@ 岳巍. 论1900–1924年中俄关系之特点: 政治系博士学位论文. 北京, 2007. 327 页.

15. Айрапетов О. Р. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник / под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004. С. 341–354.
16. Вотинов А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: Воениздат, 1939. 72 с.
17. Гладкая Е. А. Русско-японская война в сознании широких слоёв населения России в начале XX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2008. № 3. С. 68–73.
18. Гладких С. А. О влиянии русско-японской войны 1904–1905 годов на русскую культуру // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 630–645.
19. Ли Ляньюй. Контекст и влияние русско-японской войны // Журнал Педагогического университета Фуян. Серия «Общественные науки». 1998. № 1. С. 48–54. @@ 李良玉. 略论日俄战争的背景及其影响 // 阜阳师范学院学报. 社会科学版. 1998. № 1. 页. 48–54.
20. Шашкова Ю. О. Отношение китайцев к русской армии в период русско-японской войны 1904–1905 гг. глазами русских военных // Китай: история и современность: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 267–271.
21. Дин Лиль. Исследование русско-японской войны в китайской историографии // Журнал Чифэнского университета. Серия «Философия и социальные науки». 2016. № 3. С. 74–76. @@ 丁莉莎. 对日俄战争研究现状述评 // 赤峰学院学报 (汉文哲学社会科学版). 2016. № 3. 页. 74–76.
22. Измайлов А. А. Александр Куприн. Песни земной радости // Критика начала XX века / сост. Е. И. Иванова. М., 2002. С. 220–244.
23. Сюй Сяои, Тан Ихун. Тайна Куприна // Русская литература и искусство. 2000. № 2. С. 69–70. @@ 徐笑一唐逸红. 库普林之谜 // 俄罗斯文艺. 2000. № 2. 页. 69–70.
24. Чжоу Бинсинь. Краткий комментарий к русско-японским военным рассказам А. И. Куприна // Иностранные языковые исследования в Северо-Восточной Азии. 2014. Т. 1, № 2. С. 70–74. @@ 周冰心. 简评库普林的“日俄战争”小说 // 东北亚外语研究. 2014. № 2. 册1. 页. 70–74.
25. Ли Чжэ. Исследование повествовательного искусства А. И. Куприна: дис. ... магистра филологии. Пекин: Пекинский педагогический университет, 2008. 493 с. @@ 李哲. 库普林小说的叙事艺术研究: 语文系硕士学位论文. 北京: 北京师范大学, 2008. 493 页.
26. Бирюкова О. И. Существующие и возможные герменевтические подходы к вопросу о жанре как литературоведческой категории // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2009. Вып. 31, № 13. С. 17–21.
27. Кулагин С. А. Проблема национальной идентичности в рассказе А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников»: миф о непобедимости русского оружия // Вестник Тамбовского университета. 2009. Вып. 3. С. 123–127.
28. Забияко А. А., Сенина Е. В. Художественный образ восприятия как категория имагопоэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 8, вып. 1. С. 166–171.
29. Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle // Synthesis. Bucarest. 1981. No. 8. Pp. 169–185.
30. Шмелева Е., Шмелев А. Мы и они в зеркале анекдота // Отечественные записки. 2007. № 1. С. 215–222.
31. Омори Масако. Образ японца в рассказе А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников». Текст: электронный // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1173> (дата обращения: 29.08.2021).
32. Толстихина А. О. Митропольский Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: в 5 т. Т. 4 / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 91–92.
33. Маринов В. А. Россия и Япония перед Первой мировой войной (1905–1914 годы): очерки истории отношений. М.: Наука, 1974. 152 с.
34. Зуенко И. Ю. Исчезнувший образ: топонимика русского происхождения в провинции Хэйлуцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 85–98.

Информация об авторах

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: sciencia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>.

Ван Юйци, аспирант, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: ivan_yuytsi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7891-115X>.

Вклад авторов

А. А. Забияко – основной автор, определивший методологию и направления анализа художественного материала.

Ван Юйци исследовал культурно-исторический, историко-литературный контекст, выполнил анализ материалов статьи.

Для цитирования

Забияко А. А., Ван Юйци. Образ восприятия японцев и Японии в дореволюционном опыте художественной рефлексии: жанрологический аспект // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 19–28. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-19-28.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 18.12.2021; принята к публикации 25.12.2021.

References

1. Maiga, A. A. Literary Travelogue: Specificity of the Genre. *Philology and Culture*, no. 3, pp. 254–259, 2014. (In Rus.)
2. Alpatov, V. M. The image of Japan in Russia (1850–1945). Moscow: RAN, 2017. (In Rus.)
3. Krasnoshchekova, E. A. Goncharov: The World of Creativity. Sankt Peterburg: Pushkinskii fond, 1997. (In Rus.)
4. Bogoderova, A. A. Japan in Russian Travelogues at the Turn of the 19th – 20th Centuries. *Russian Travelogue of the 18th – 20th Centuries: Between Literature and Document*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2019: 52–77 (In Rus.)
5. Pronnikov, V. A., Ladanov I. D. Japanese. Ethnographic essays. Moscow: Nauka, 1983. (In Rus.)
6. Stepochkina, E. V. Evolution of the image of the enemy in the provinces during the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Bulletin of Samara State University*. no. 1, pp. 64–70, 2008. (In Rus.)
7. Fedorov, M. Japan and the Japanese: An Essay. Sankt Peterburg: Izd. P. P. Soikina, 1905. (In Rus.)
8. Pereslavtseva, R. S. The image of the “other” in works about the Russian-Japanese war of 1904–1905. *Bulletin of the Novgorod State University*. no. 94, pp. 59–62, 2016. (In Rus.)
9. Taksami, Ch. M., Kosarev V. D. Who are you, Ainu? Essay on history and culture. Moscow: Mysl', 1990. (In Rus.)
10. Kuznetsov, A. P. Japan's relationship with China and Russia from 1894 to 1919. Cand. ist. diss. Moscow, 2013. (In Rus.)
11. Pu Nin, Yao Gentszyun'. Comparison of strategic decisions of the two sides in the Russian-Japanese war. *Scientific solution*, no. 7, pp. 51–53, 2007. (In Chin.)
12. Khuan Tszunlyan. Reform of Russia and Sino-Russian, Japanese-Russian relations. *International political studies*, no. 2, pp. 74–82, 1995. (In Chin.)
13. Chzhao, Yan. A brief discussion of the evolution of Japanese-Russian relations before the Russian-Japanese war. *Siberian Research*, no. 3, pp. 91–94, 2008. (In Chin.)
14. Yue, Vei. Judgment about the specifics of Sino-Russian relations from 1900 to 1924. Cand. polit. diss. Pekin, 2007. (In Chin.)
15. Airapetov, O. R. Press and military censorship in the Russo-Japanese War. *Russo-Japanese War of 1904–1905. A look through the century*. International Historical Collection. Moscow, 2004: 341–354 (In Rus.)
16. Votinov, A. Japanese espionage in the Russo-Japanese War of 1904–1905. Moscow: Voenizdat, 1939. (In Rus.)
17. Gladkaya, E. A. Russian-Japanese war in the minds of broad strata of the population of Russia at the beginning of the 20th century. *Izvestiya vuzov. North Caucasian region. Social Sciences*, no. 3, pp. 68–73, 2008. (In Rus.)
18. Gladkikh, S. A. On the influence of the Russian-Japanese war of 1904–1905 on Russian culture. Ed. by G. V. Sudakov, *Russian culture of the new century: Problems of study, preservation and use of historical and cultural heritage*. Vologda: Knizhnoe nasledie, 2007: 630–645. (In Rus.)
19. Li, Lyan'yui. The context and influences of the Russo-Japanese War. *Journal of the Fuyang Pedagogical University. Series: Social Sciences*, no. 1, pp. 48–54, 1998. (In Chin.)
20. Shashkova, Yu. O. Attitude of the Chinese to the Russian Army during the Russo-Japanese War of 1904–1905 through the eyes of the Russian military. *China: history and modernity*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2015: 267–271. (In Rus.)
21. Din, Lil'. Study of the Russian-Japanese War in Chinese Historiography. *Journal of Chifeng University. Series: Philosophy and Social Sciences*, no. 3, pp. 74–76, 2016. (In Chin.)
22. Izmailov, A. A. Alexander Kuprin. Songs of earthly joy. Ed. by E. I. Ivanova, *Criticism of the early twentieth century*. Moscow, 2002: 220–244. (In Rus.)
23. Syui, Syaui, Tan Ikhun. Kuprin's Secret. *Russian Literature and Art*, no. 2, pp. 69–70, 2000. (In Chin.)
24. Chzhou, Binsin'. A short commentary on the Russian-Japanese military stories of A. I. Kuprin. *Foreign language studies in North-East Asia*, no. 2, pp. 70–74, 2014. (In Chin.)
25. Li, Chzhe. A study of the narrative art of A. I. Kuprin. Dis. magistra filologii. Pekin: Pekinskii pedagogicheskii universitet, 2008. (In Chin.)

26. Biryukova, O. I. Existing and possible hermeneutic approaches to the issue of genre as a literary category. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art criticism, no. 13, pp. 17–21, 2009. (In Rus.)

27. Kulagin, S. A. The problem of national identity in the story by A. I. Kuprin “Staff Captain Rybnikov”: the myth of the invincibility of Russian weapons. Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, no. 3, pp. 123–127, 2009. (In Rus.)

28. Zabyako, A. A., Senina, E. V. Artistic image of perception as a category of imagopoetics. Social and humanitarian sciences in the Far East, no. 8, V. 1, pp. 166–171, 2001. (In Rus.)

29. Pageaux, D.-H. A perspective of studies in comparative literature: cultural imagery. Synthesis. Bucharest, no. 8, pp. 169–185, 1981. (In Rus.)

30. Shmeleva, E., Shmelev A. We and they are in the mirror of the anecdote. Otechestvennye zapiski, no. 1, pp. 215–222, 2007. (In Rus.)

31. Omori, Masako. The image of the Japanese in the story by A. I. Kuprin “Staff Captain Rybnikov”. Media scope, no. 4, 2012. Web. 29.08.2021. <http://www.mediascope.ru/node/1173> (In Rus.)

32. Tolstikhina, A. O. Mitropol'skiy Ivan Ivanovich. Ed. by P. A. Nikolaev, Russian writers. 1800–1917: Biographical Dictionary. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1999: 91–92. (In Rus.)

33. Marinov V. A. Russia and Japan before the First World War (1905–1914): Essays on the History of Relations. Moscow: Nauka, 1974. (In Rus.)

34. Zuenko, I.Yu. Disappeared Image: Place names of Russian origin in Heilongjiang Province and Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC. Izvestia of the Eastern Institute, no. 2, pp. 85–88, 2018. (In Rus.)

Information about authors

Zabyako Anna A., Doctor of Philology, Professor, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia; e-mail: sciencia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>.

Wang Yuqi, Graduate Student, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia; e-mail: ivan_yuytsi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7891-115X>.

Contribution of authors to the article

Anna A. Zabyako – first author, main research work of the article.

Wang Yuqi analysis of materials in this article.

For citation

Zabyako A. A., Wang Yuqi. The Image of the Perception of the Japanese and Japan in the Pre-Revolutionary Experience of Artistic Reflection: The Genre Aspect // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 1. PP. 19–28. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-19-28.

Received: October 12, 2021; approved after reviewing December 18, 2021; accepted for publication December 25, 2021.